

Чжэн Хайян из-за отношений с Хань И относился к Хань Тинтин с некоторой настороженностью, опасаясь, что она снова «сорвется» и начнет с ним бороться за ребенка. Однако он не испытывал неприязни к этой девушке, напротив, даже восхищался ею. Он слышал от матери, что, хотя Хань Тинтин уехала за границу благодаря финансовой поддержке Хань Чжицзюня, эта девушка действительно проявила себя там. Она уехала в середине 80-х, когда за рубежом азиатские лица встречались редко. Будучи подростком, ей пришлось учить английский, ходить в школу и подрабатывать, но в итоге она поступила в университет и получила стипендию.

В ту черно-белую эпоху она была словно ярким пятном цвета. Чжэн Хайян чувствовал, что у этой девушки большое будущее.

Однако, каким бы ни было будущее, это не меняло факта: сейчас Хань Тинтин была безработной и денег не зарабатывала. Хань Чжицзюнь и Чэнь Линлин, казалось, совсем не беспокоились, относились к ней как к родной дочери и не торопились с поиском работы. Сама Хань Тинтин тоже не спешила. Каждый день в одно и то же время она выходила на прогулку, а затем возвращалась, ела, пила, спала, читала книги, смотрела телевизор и играла с двумя детьми, наслаждаясь беззаботной жизнью.

Когда у Чэн Баоли выдавалась свободная минутка, она спрашивала у Чэнь Линлин:

— Тинтин не собирается работать? Или хотя бы парня найти? Ей уже двадцать два, не так ли?

Чэнь Линлин отвечала:

— Она говорит, что не спешит, подождет еще. Что касается парня, я спрашивала, она сказала, что за границей встречалась с белым парнем.

Чэн Баоли широко раскрыла рот, удивляясь:

— Белый? Американец? У него американское гражданство?

Чэнь Линлин рассмеялась:

— Да, она сказала, что он американец. И не разрешает мне и ее брату слишком много спрашивать. Говорит, что в двадцать с небольшим лет не время для брака, за границей в таком возрасте все еще учатся.

Чэн Баоли протяжно произнесла:

— О-о-о...

Сама она окончила только среднюю школу и особого образования не имела, поэтому очень восхищалась теми, кто смог поступить в университет. А уж такие, как Хань Тинтин, которая еще и училась за границей, и вовсе заставляли ее чувствовать, что она не вправе высказывать свое мнение. Она думала, что у людей, которые учились за границей, действительно необычные взгляды на жизнь.

Хань Тинтин действительно не спешила. Каждый день, когда у нее было свободное время, она забирала двух детей к себе в комнату и учила их английскому произношению и правильному положению языка. Бедный Хань И, который едва мог говорить и только-только достиг двухлетнего возраста, уже был вынужден учиться всему под руководством Чжэн Хайяна и Хань Тинтин, которые стали для него «домашними учителями».

Раньше никто не уделял внимания детям, и никто не замечал, что Хань И умеет читать и решать простые арифметические задачи. Но как только Хань Тинтин вернулась, она вдруг обнаружила, что этот маленький человечек уже может решать примеры в пределах десяти!

Хань Тинтин была в шоке.

Она пришла в восхищение, широко раскрыв глаза, обняла Хань И и воскликнула:

— Маленький вундеркинд?! Он что, родился с этим умением? Маленький И И, не пугай меня так, я же убежденная материалистка! Если ты действительно воплощение Вэнь Цю Синя, то мне придется пойти поклониться Будде!

Чжэн Хайян промолчал. Не надо так, он ведь недавно начал учить Хань И таблицу умножения.

В мире нет непроницаемых стен, и нет ртов, которые не проболтаются. К тому же Хань И весь день кричал «брат, брат», и Хань Тинтин без труда выяснила, что это именно Чжэн Хайян учит его всему.

Хань Тинтин поставила Хань И на пол, а сама схватила Чжэн Хайяна, как цыпленка, и придвинула к себе:

— Чжэн Да Бао, признавайся, ты ведь воплощение Вэнь Цю Синя, пришедшее, чтобы принести пользу человечеству?

Чжэн Хайян снова промолчал. Не называй меня Да Бао, как мой отец! Это ужасно звучит!

Чжэн Хайян в душе кричал, но на лице сохранял наивное детское выражение, делая вид, что ничего не понимает. Хань Тинтин спросила:

— Да Бао, сколько будет один плюс один?

Чжэн Хайян молчал, переводил взгляд то влево, то вправо, делая вид, что не понимает, что такое «один плюс один».

Хань Тинтин не сдавалась:

— Два плюс два?

Молчание.

— Три плюс пять?

Снова молчание.

Хань Тинтин быстро произнесла:

— Солнце стоит в полдень над полем.

Чжэн Хайян в душе готов был ей поклониться — эта девушка действительно была настойчива. В этот момент маленький Хань И, держась за его рукав, медленно и растянуто, с интонациями, произнес:

*

Пот капает на землю под колосом,

Кто знает, что в тарелке —

Каждое зернышко дается трудом.

*

Хань Тинтин повернулась к Чжэн Хайяну, снова поставила ребенка на пол, подняла бровь и посмотрела на него с пониманием, словно уже разгадала его маленький секрет.

— Я поняла, Да Бао! Ты, наверное, потому что тебе уже пять лет, а тебя еще не отправили в школу, так ты сам начал учиться, да? Как жалко, тебе уже пять, а ты все еще не ходишь в школу, взрослые в доме только и думают, как бы заработать денег. В будущем ты и Сяо Бао станете самыми большими неучами в нашей семье. Но ничего, у нас будет достаточно денег, чтобы вы оба могли тратить их, как захотите, так что ходить в школу или нет — не так уж важно.

Чжэн Хайян тяжело вздохнул.

Хань Тинтин, конечно, не могла узнать о том, что Чжэн Хайян переродился, и никто не узнает. Все будут думать, что он просто от природы очень умный.

Хотя Хань Тинтин говорила, что школа не так уж важна, она все же заметила, что в семье никто не уделяет внимания образованию детей. Она предлагала Чэнь Линлин отправить их в детский сад, но взрослые всегда отвечали, что слишком заняты и отправят их позже. Но прошло уже больше месяца с ее возвращения, а никто так и не заговорил об этом, словно все ждут, когда Чжэн Хайяну исполнится семь лет, чтобы сразу отправить его в начальную школу.

Видя, что все в доме заняты зарабатыванием денег и забывают о детях, Хань Тинтин решила сама заняться их обучением. Когда у нее было свободное время, она учила их английскому. Чжэн Хайян, как перерожденец, схватывал все на лету, а Хань И учился с трудом, но в его возрасте это было не так важно, ведь он все равно осваивал основы произношения и простые слова.

Чжэн Хайян считал, что Хань Тинтин не хотела идти на работу не потому, что не могла найти подходящую, а потому, что не хотела. В то время выпускникам университетов предлагали распределение на работу: в худшем случае — в офис государственного завода, в лучшем — в партийные органы. Несколько дней назад он слышал, как Хань Чжицзюнь говорил о том, куда ее распределили, но, очевидно, она не хотела туда идти.

Чжэн Хайян думал, что, будь он на месте Хань Тинтин, в свои двадцать с небольшим лет, с высокими амбициями и образованием, он тоже не хотел бы подчиняться распределению и всю жизнь работать в одном месте.

Небо высоко, и птицы летают свободно. Хань Тинтин не была воробьем или павлином, она могла лететь очень высоко.

Чжэн Хайян внимательно наблюдал за ней и пришел к выводу, что она действительно так думает. Тогда он снова вспомнил о «Avon». Ранее он пытался уговорить мать и Чэнь Линлин заняться продажей косметики, но мир этих двух женщин сейчас был полностью поглощен жареной курицей, и они стали как лягушки в колодце, не видя ничего за его пределами.

Но как же заинтересовать Хань Тинтин «Avon» и косметикой? Чжэн Хайян размышлял несколько дней, а затем его взгляд упал на Хань И, который играл с игрушками. На его лице появилась хитрая улыбка, и он тихо захихикал.

На следующее утро взрослые, позавтракав, отправились зарабатывать деньги, а Хань Тинтин, привыкшая поздно ложиться и поздно вставать, еще спала. Чжэн Хайян, взяв за руку Хань И, осторожно открыл дверь в комнату родителей, и оба малыша подошли к туалетному столику.

Хань И стоял с доверчивым и зависимым взглядом, глядя на своего старшего брата. Чжэн Хайян протянул руку к туалетному столику и взял золотистую трубку, снял крышку, повернул механизм, и внутри показалась ярко-красная губная помада.

Одной рукой он прижал лоб Хань И, отодвинув волосы, чтобы обнажить гладкий лоб, а другой рукой держал помаду, глядя на Хань И с выражением мясника, готовящегося зарезать свинью:

— Не двигайся, братик тебя накрасит.

Хань И моргнул, полный невинности, и в этот момент помада коснулась его лба, оставив яркую точку.

Чжэн Хайян подтолкнул Хань И к зеркалу и сказал:

— Смотри, как красиво! Я тебя накрасил, сделал из тебя красавицу.

Затем он взял с туалетного столика пудру и нанес на щеки Хань И два розовых круга, а потом, словно раскрашивая картину, накрасил его губы ярко-красной помадой.

Закончил он тем, что нашел в ящике ободок для волос своей матери и надел его на Хань И, зачесав волосы назад, чтобы показать всю его покрашенную мордашку.

<http://bllate.org/book/16484/1498103>